

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ У КОЧЕВНИКОВ-СКОТОВОДОВ

С. З. Зиманов

Рассматривая вопрос о феодальных отношениях у кочевых народов, следует иметь в виду, что эти отношения имели ряд отличий по сравнению с феодальными отношениями у оседлых земледельческих обществ. Однако это не может служить основанием для их противопоставления. Собственно говоря, история не знает «чистых кочевников», когда бы целое общество занималось исключительно кочевым скотоводством.

Кочевые народы частью вели оседлый или полuosедлый образ жизни, занимались земледелием и имели более или менее тесные экономические связи с соседними земледельческими народами. Так, казахи долин рек Чу, Талас, Сыр-Дарья, а также Семиречья наряду со скотоводческим хозяйством издревле занимались оседлым земледелием. Развитие феодальных отношений у кочевых народов сопровождалось закреплением пастбищных пространств в монопольном владении крупных феодалов. Формально, по обычному праву казахов, пастбища находились в пользовании общин, однако феодалы фактически обладали правом распоряжения пастбищами, перераспределения кочевий, а это и было выражением феодальной собственности на землю.

Казахские ханы Тауке, Аблай, Абулхаир, Нурали, Джангер и другие распоряжались всей кочевой территорией подвластных им родов. На собраниях местной знати они определяли места кочевок, решали споры о пастбищах, выдавали феодалам специальные ханские ярлыки на право владения определенными пастбищными угодьями. Известный исследователь Н. И. Гродеков указывает, что в Сыр-Дарьинской области во второй половине XIX в. некоторые представители знати сохранили у себя такие ханские ярлыки, в свое время данные им на право владения землей¹. Султаны, бии, «почетные киргизы», распоряжаясь кочевьями родов, аульных общин, фактически являлись носителями прав собственности на эти участки. Один из влиятельных султанов рода «найман», Сиванкул Ханходжин, в 1829 г. в качестве главного условия для организации округа в степи выдвигал перед царским правительством: «прислать землемера для размежевания земель и предоставить оные в вечное потомственное владение» ему и кочевым коллективам, которыми управлял он. Рядовые кочевники в составе аула кочевали там, где им указывалось. В такой организации кочевого хозяйства, несомненно, отразилось феодальное право на пастбище и феодальная зависимость. По обычному праву казахов, если об одном и том же пастбище спорили два вожака, пришедшие туда в одно время с двух противоположных сторон, то преимущество давалось феодалам. «Если из спорящих один — султан, а другой — простой киргиз, то спорное место уступается первому, т. е. султану; если один из спорящих лиц — бий, а другой — простой киргиз, то спорное место уступается бию; если один из спорящих лиц — бий, а другой — простой киргиз, то спорное место уступается бию; если спор между бием и простым киргизом, то спорное место остается за первым»². Это правило отражает своеобразную систему феодального вассалитета в казахском обществе.

Казахские феодалы взимали пошлины с торговых караванов. В «Обзрении киргиз-кайсацкой степи», составленном участником торговой экспедиции в 1803—1804 гг., говорится: «Знатные султаны, бии и старшины всегда брали с караванов подарки, называя их пошлиною за пропуск товара через свои земли»³. Составитель «Топографиче-

¹ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I, ашкент, 1889, стр. 106—107.

² «Материалы по казахскому обычному праву». Сборник I. Алма-Ата. 1948, стр. 212.

³ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, 19209, л. 14.

ского описания степной стороны, заселяемой киргиз-кайсаками, и владельцев Ташкента и Бухарии» (1816 г.) писал: «Для караванов бывают тягостны поборы, налагаемые киргизскими султанами, которые останавливают, требуя или, так сказать, вынуждая пошлину по числу скота, которые несут тюки»⁴. В 1826 г. султан Темир взыскал пошлину за проход через его владение торгового каравана, шедшего в Троицк. В 1834 г. султан Саржан Касымов взыскал такую же пошлину с татарского купца Ажалямова. Таких примеров множество⁵. Разумеется, казахские феодалы могли взимать поборы с проходящих торговых караванов в силу того, что они являлись владельцами этой территории, постоянно или временно распоряжались ею.

Рядовые казахи-кочевники несли ряд повинностей в пользу феодалов. Правда, эти повинности прикрывались нередко общинно-родовыми отношениями, но в действительности они являлись формой реализации земельной собственности. В начале XVIII в. хан Тауке установил, «чтобы всякий, могущий носить оружие (кроме Султанов), платил Хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества, ежегодно»⁶.

Наиболее распространенной в Казахстане повинностью рядовых кочевников был «согум». По сообщению Д'Андре, специально изучавшего в середине XIX в. казахские обычаи, «киргизы, имеющие кочевья по близости султанских ставок, обязаны: каждый семьянин привести Султану-правителю согум или какую-либо скотину на зарез. Количество и достоинства такого приношения производятся, смотря по состоянию или зажиточности приносящего. А посему бедные могут принести одну часть барана или лошади и т. п., только не иначе, как сырьем». В Букеевской орде согум приносил хану ежегодно до 10 тыс. рублей серебром, то есть стоимость 800—1000 голов крупного скота⁷.

Другой широко распространенной повинностью была «сбага». «Шибига производится весною на тех же условиях, как и согум,— писал Д'Андре.— Но подобное приношение делается ордынцами не только одним ханам и Султанам-правителям, но и биям и другим почетным киргизам, как знак уважения, равно и лицам, происходящим от белой кости»⁸. Верховный владелец — хан — обладал также правом взимания налога «зекет». Во Внутренней орде поступления от зекета в пользу хана составляли огромную сумму. По сообщению М. Иванова, ханский доход от зекета в середине XIX в. доходил до 70 тыс. рублей серебром в год. В 1844 г. доход от зекета составил 95 361 рубль серебром⁹. Существовали также различные формы отработочной ренты, прикрываемые патриархальной оболочкой: «помощь» феодалу в хозяйстве, уход за скотом богатого «родича» и т. д.

Хивинские и кокандские феодалы на юге и юго-востоке Казахстана взимали с казахов плату за кочевание. Султан-правитель Ахмед Джантюрин в 1841 г. писал председателю Оренбургской пограничной комиссии: «...зимовавшие по Сыр-Дарье киргизы разных родов вообще ныне уплатили, как куканцам, так хивинцам за кочевание закят без особых споров по примеру прежних годов»¹⁰. Царское правительство, объявив всю территорию Казахстана государственной собственностью, с 1837 г. повсеместно ввело сбор за кочевание (кибиточный сбор).

Устное народное творчество казахов хорошо отразило право знати на пастбища и зависимое положение непосредственных производителей. Народная поговорка гласит: «Кімнін жерін жерлесен, соның жырын жырлайсын», то есть «на чьей земле кочуешь, тому и покорен будешь» (дословно: «На чьей земле кочуешь, того и песню распевашь»).

Все эти факты опровергают мнение о том, что «казахское кочевое крестьянство не было связано с монополией класса феодалов на землю, как на средство произ-

⁴ Там же, д. 18541, л. 123.

⁵ Центральный исторический архив (ЦИА) Казахской ССР, ф. 4, оп. 1, св. 371, д. 2321, лл. 5, 6, 13

⁶ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 22.

⁷ Там же, стр. 138—139; М. Иванов. Внутренняя, или Букеевская киргизская Орда. Журнал «Эпоха». 1866, № 12, стр. 9; А. Евреинов. Внутренняя, или Букеевская киргиз-казачья Орда. Журнал «Современник». Т. XXIX. 1851, № 9—10, стр. 80.

⁸ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 139.

⁹ М. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. М. 1941, стр. 250.

¹⁰ ЦИА Казахской ССР, ф. 4, оп. 1, св. 198, д. 349, л. 4.

водства»¹¹. Общинное пользование отдельными кочевыми участками происходило внутри и в условиях монополярной собственности на землю класса феодалов.

Феодальная собственность на землю и пастбища в Казахстане имела ряд особенностей. Как правило, феодалы узурпировали и умело использовали в своих интересах общинно-родовые обычаи.

Следует также учитывать, что если весенние и летние кочевые районы в той или иной степени формально находились в общинном пользовании, то зимние кочевья были полностью захвачены феодалами на правах собственности. Не только общинной собственности, но и общинного пользования в местах зимовок не существовало. Это, видимо, объясняется особым производственным значением зимних участков. Зимовки служили надежным естественным укрытием для скота, использовались для сенокосения, посева, зимней тебеневки скота, возведения жилищ. Не всякий земельный участок мог служить местом зимовки. Каждый член аульной общины имел закрепленное за ним место зимовки. На этом участке он возводил жилище, хозяйственные постройки, оставлял часть имущества и членов семьи, которые в весеннее и летнее время занимались сенокосением, уходом за посевами. В аулах богатых казахов оставались работники — «консы» — неимущие кочевники. Интересно отметить, что аульная форма кочевания не соблюдалась зимою. В местах зимовок аул распадался на отдельные семьи, и каждая из них направлялась на свои участки, которые были удалены друг от друга на расстояние от 1 до 20 верст и более.

Казахские феодалы фактически и юридически сосредоточивали в своих руках на правах собственности не все пастбищные районы, а в первую очередь жизненно важные для скотоводческого хозяйства участки, чем обеспечивалось их экономическое господство в казахском обществе.

Об этом свидетельствует ряд источников. Так, Гавёрдовский во время поездки в 1803 г. в Бухару через казахскую степь записал: «... всякое отделение для зимних кочевков имеет определенные места, а частью и для летних и владеют оными, как собственностью каждого, — никто из посторонних, кроме собственного хозяина, уже пользоваться им не может, в противном случае рождаются баранты»¹². Подполковник Лукин, специально командированный в казахскую степь, чтобы склонить казахов некоторых родов официально вступить в подданство России, 27 сентября 1832 г. сообщил омскому областному начальнику, что бий и «почетные» казахи Козганского и Коксальского родов согласны войти в подданство России с условием, «чтобы издревле принадлежащие им зимовые места, лежащие в окрестностях Кокчетавского приказа, от занятия других киргизцов освободить и представить по-прежнему в их пользу»¹³. Старшина Бекетенов в Среднем жузе считался владельцем урочищ Каракесек, Жумарт, Карашока, Токамбай, Карбаскан-Агач, Кориксалды — в длину 10 и в ширину 10 верст, где зимовал он, его родственники и аул, подведомственный ему¹⁴. Офицеры Вольховский и Балкашин, производившие в 1824 г. военно-топографическое обследование Малой орды, сообщают о жестокой ссоре между казахами Иссыкова и Адаевского родов за зимнее урочище Каракуль¹⁵. А. К. Гейнс, проезжавший по казахской степи в середине XIX в., был свидетелем, когда в районе Кокчетавы «... киргизская баба принесла... жалобу на богатого соотечественника, захватившего, по смерти ее мужа, его зимовку»¹⁶. Красовский отмечал, что общинное владение зимовками у сибирских казахов не существует и такое «почти ни кем из киргизов не признается»¹⁷.

Известно, что батыр Исет Котибаров владел урочищем Еки-Чингиль на Больших Барсуках, где он имел «постоянную зимовку» и кочевал вместе со своими родственниками. Захваченное позже царскими карательными отрядами, это урочище было пере-

¹¹ В. Ф. Шахматов. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. «Вестник АН Казахской ССР», 1951, № 7, стр. 26.

¹² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19208, л. 57.

¹³ ЦИА Казахской ССР, ф. 338, оп. 1, св. 114, д. 755, л. 5.

¹⁴ Там же, ф. 329, оп. 1, св. 3, д. 34, л. 1—2.

¹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19235, л. 15.

¹⁶ А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов. Т. 1. СПб. 1897, стр. 245.

¹⁷ Красовский. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб. 1868, стр. 68.

дано бию Джалубаеву, но вскоре возвращено Котибарову, как «его территория»¹⁸. Семипалатинский областной статистический комитет в 1886 г. писал, что у казахов «осенью пастбища, зимовки и близлежащие сенокосы составляют частную собственность отдельных семейств, равно как и находящиеся на них колодцы и леса»¹⁹.

В условиях кочевого скотоводства для закрепления зимовок большое значение имела застройка участка хотя бы временными хозяйственными постройками. В записках Д'Андре сказано: «Неотъемлемое право на одну и ту же зимовку ордынец может иметь тогда лишь, когда в оной устроил повторные приюты для скота своего,— как-то: ямы для молодых верблюдов и т. п.»²⁰. Губернатор Тургайской области генерал-лейтенант Баллюзек отмечал, что «... в поземельных спорах из-за зимовок киргизы всего больше принимают в соображение право давности каждого на известный участок»²¹.

В XVIII—XIX вв. в Казахстане сдача в аренду, дарение, завещание зимовых земельных участков не были уже редким явлением. Оренбургский военный губернатор Перовский в своей записке «О колонизации киргизов» (1833 г.) отмечал, что богатые казахи сдают пастбища скотоводам под кочевание²². Семипалатинский статистический комитет писал: «Самые употребительные имущественные договоры киргизов сводятся по отношению к недвижимости к отдаче в аренду зимовых мест и пашен... Когда же зима стоит суровая и пастбища занесены снегом или, что еще хуже, после временной оттепели покроются тонким слоем льда, тогда цены растут быстро и доходят до громадных размеров. Бывали случаи, что за зимовые стойбища хозяин получал $\frac{1}{20}$ или даже $\frac{1}{10}$ часть пасшегося на них скота»²³.

На это указывал и Красовский. Он отмечал, что собственники все чаще открыто сдают в аренду земельные участки, получая за это лошадей, корову, несколько баранов²⁴. Феодалы не только взимали постоянные налоги, «приношения» от рядовых кочевников за «совместное кочевание», но, сдавая в аренду на зимний период земельные участки, получали с них большие доходы. В свою очередь, обедневшие крестьяне уступали за бесценок свои наделы богатым кочевникам-феодалам.

В процессе развития частного землевладения лучшие участки с водопоями оказались в руках феодалов. Для того, чтобы поить свой скот речной водой, в некоторых районах рядовые кочевники нередко должны были получать особое разрешение хана или владельца прибрежных участков. Ханская власть в Букеевской орде 4 июня 1843 г. дала письменное разрешение казаху Пралневу из рода «Байбакты»: «...по уважению к его просьбе и за неизмением им места водопоя дозволяется поить скот на Кара-су... при оконечности Куш-Арала и Малого Узеня»²⁵. В отношении сенокосных угодий «у киргизов нет общинного владения в том виде, как оно существует у русских, нет, например, передела сенокосов, равномерного распределения паев, каждое семейство пользуется клочками земли, раз навсегда отведенными ему под сенокосение. Поэтому семейство, к которому раз достался плохой или богатый надел, остается при нем постоянно»²⁶.

Во Внутренней орде почти все крестьяне-скотоводы имели земельные участки, где возводили зимние жилища, иногда косили сено и содержали скот в зимнее время. Крестьянские наделы были связаны с несением «добровольной» повинности в пользу феодалов. Отношениями частной собственности были охвачены не только районы зимних стоянок, сенокосов, водопоев. Фактическое монопольное право феодалов на землю находило юридическое оформление. Так, Джангир-хан в письме правителю родов Тауке Букейханову в 1841 г. указывал точные границы своих владений в районе Камыш-Самарских озер и предписывал всем подвластным ему султанам, старшинам и населению, кочующим в этом районе, «осуществлять... охрану этих участков, но не поль-

¹⁸ ЦИА Казахской ССР, ф. 4, оп. 1, св. 417, л. 2848, л. 125—126.

¹⁹ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 264.

²⁰ Там же, стр. 140.

²¹ Там же, стр. 213.

²² М. К. Рожков а. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.-Л., 1949, стр. 208—209.

²³ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 271.

²⁴ Красовский. Указ. соч., стр. 71.

²⁵ ЦИА Казахской ССР, ф. 78, оп. 2, д. 107, л. 1.

²⁶ П. Медведский. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. «Журнал Министерства государственных имуществ». 1862, № 8.

зоваться без разрешения»²⁷. Крупные султаны, бии и старшины обладали правом исключительного владения наиболее плодородными пастбищными участками. Так, например, султан Менлигирей являлся собственником 400 тыс. десятин земли, где и кочевали крестьяне из рода «черкес», во главе которого он стоял²⁸. Крупные земельные собственники наделяли кочевников участками земли для зимования и сенокосения, взимая нередко при этом «подарки»²⁹.

Аналогичные явления в той или иной степени имели место и в других частях Казахстана. Пастбищные урочища в Казахстане часто назывались по имени его владельца-феодала.

На основании изученных документов можно придти к следующим выводам:

- 1) пастбищные пространства находились в монопольном владении казахских феодалов;
- 2) общинное пользование отдельными пастбищными районами есть явление, происходящее внутри феодальной собственности на землю;
- 3) фактически и юридически казахские феодалы владели зимовыми и луговыми местами на правах собственности;
- 4) каждый кочевник наделялся участком для зимней стоянки с прилегающими сенокосными угодьями, которыми распоряжался, как «своими»;
- 5) феодальная собственность на зимние кочевья являлась в руках феодалов средством эксплуатации рядовых кочевников;
- 6) несмотря на некоторые особенности, феодальная собственность на землю составляла основу патриархально-феодальных отношений в Казахстане.

²⁷ ЦИА Киргизской ССР, ф. 78, оп. 5, св. 2, д. 32, л. 1.

²⁸ Там же, ф. 4, оп. 1, св. 661, д. 5042, л. 19.

²⁹ Там же, ф. 78, оп. 1, св. 8, д. 68, лл. 4, 7, 10, 15.